

Розділ V

КОГНІТИВНІ АСПЕКТИ ЛІНГВІСТИЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

УДК 811.161

Татьяна Владимирова
(Москва, Россия)

РУССКОЕ МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

У статті розглядається проблема міжособистісного спілкування як самотнього етнолінгвістичного феномена. Особлива увага приділяється екзистенційному досвіду мовленнєвої сутності особистості, опосередкованою ціннісними уявленнями про сенс існування.

Ключові слова: *екзистенційне спілкування, мовленнєве буття, мовленнєва особистість, ціннісні уявлення.*

The paper is dedicated to the consideration of the inter-personal communication as a original psycho- and ethno-linguistic phenomenon. The article focuses mainly on the existential experience of the Russian linguistic personality, and mediated value ideas about the meaning of existence.

Key words: *existential communication, language being, linguistic personality, values.*

В процессе взросления человек наследует «культурно-языковые» картины мира и особенности его языковой концептуализации. А в сознании формируется личностный экзистенциально-аксиологический код речевого поведения и восприятия действительности, который соответствует принятым смысложизненным представлениям. Поэтому язык, удваивающий окружающий человека мир, приобретает еще одно, – экзистенциальное, – измерение при обращении к бытию, в котором разворачивается жизнь человека. Присутствие в языковой картине мира «ценностно-смысловой картины мира» [3, с. 134] с характерной для нее «определенной формой ощущения времени и определенным отношением его к пространственному миру» [4, с. 355] делает актуальным введение понятия **экзистенциальной картины бытия** как присутствующей в сознании «ленты жизни», в которой находит выражение не только когнитивно-коммуникативный, но и экзистенциальный опыт языковой личности, опосредованный ценностными представлениями о смысле существования. Выдвигая положение о целесообразности введения данного понятия, мы опираемся на различие картины мира и картины жизни, предложенное Н.Д. Арутюновой: «Картина мира и картина жизни написаны разными красками и под разным углом зрения. Для первой остается более важным пространственное, для второй – временное измерение. Первая может быть уподоблена панораме, вторую естественнее сравнить с кинолентой» [1, с. 537].

Настоящая статья посвящена этнопсихолінгвістическим особенностям, характерным для экзистенциальной составляющей русского межличностного общения и, шире, русского языкового бытия. Как известно, «человек – это мир человека» и по мере становления межличностных диалогических отношений с установкой на взаимность коммуниканты из отдельных, независимых субъектов, не утрачивая своей индивидуальности, создают совместными усилиями эмоционально, интеллектуально и духовно общий мир. При этом достигнутое в процессе общения взаимопонимание в той или иной мере преобразует коммуникантов: «говорящий и понимающий вовсе не остаются каждый в своем собственном мире; напротив, они сходятся в новом, третьем мире, мире общения, они обращаются друг к другу, вступают в активные диалогические

отношения. Понимание всегда чревато ответом. В слове говорящего всегда есть момент обращения к слушателю, установка на его ответ» [3, с. 209].

Стремление к достижению искомым диалогических отношений проявляется в активизации идеи совместности. Поэтому по мере развития межличностных отношений в сознании коммуникантов возникает как бы два смысловых и вместе с тем силовых центра: <Я> и <Другой во мне>. Это позволяет говорить об особой отраженной субъектности, на основе которой в процессе развития диалогических отношений формируется единое <Мы>. Анализируя «встречу двух сознаний», С.К. Франк писал: «Во всяком общении мы имеем не простое скрещение двух лучей, идущих в противоположных направлениях, навстречу друг другу; в самой мимолетной встрече двух пар глаз осуществляется какая-то циркуляция единой жизни, какое-то общее духовное кровообращение. Другими словами, не два независимых и самодовлеющих существа здесь извне встречаются и становятся друг для друга “я” и “ты”; их встреча есть, напротив, лишь пробуждение в них обоих некоего исходного, первичного единства, и лишь в силу пробуждения этого единства они могут стать друг для друга “я” и “ты”» [18, с. 50]. Проявление в межличностном общении чувства взаимности, названного К.С. Станиславским "встречным током", преобразовывает оппозицию <Я – Ты> в совокупную субъектность <Я + Ты>, а затем – в единое <Мы>. Стремление к самовыражению и достижению исковой глубины отношений позволяет соотнести их с экзистенциальным общением, раскрывающим в человеке его истинную сущность, поскольку в этом взаимодействии находит выражение «целостность духа» (К. Ясперс). В понимании К. Ясперса, «человек никогда не может в целом и окончательно опираться на самого себя. Ему необходимы суждения других людей, чтобы обрести в коммуникации ясность. Однако и суждение значимых для него людей не является в конечном итоге решающим, хотя оно и единственное, что доступно ему в реальности. Решающим было бы суждение Бога» [21, с. 454]. Рассматривая «мировоззрения», «точки зрения», «социальные голоса» и «отношение к ценности (к истине, к добру, красоте и т. п.)», проявляющиеся в «диалоге личностей», М. М. Бахтин представил его как триаду <адресант – нададресат – адресат>, где в роли второго члена могут выступать «бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т. п.» [3, с. 330 и 337]. Поэтому стремление «открыть себя», «стать самим собой» и «существовать как процесс» раскрывает пространственно-временной контекст взаимодействия, который отличается «полнотой времени» и «полнотой бытия», необходимыми для духовного роста личности [2, с. 68–69].

Особый интерес представляет рассмотрение экзистенциального аспекта межличностного общения на примере так называемого «парадигматического случая дружбы», известного представителям различных лингвокультурных общностей. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, концепт «дружба» характеризуется как «взаимная привязанность двух или более людей, тесная связь их; бескорыстная, стойкая приязнь, основанная на любви и уважении или на взаимных выгодах, взаимопомощь». А понятие *друг* (изначально – спутник, товарищ на войне) предстает как «*такой же, равный, другой я, другой ты; ближний, всякий человек другому*» [11, с. 496 и 465-466]. (Сравните: «Имеющий друга имеет другого себя» – Иоанн Златоуст.) А «Словарь по этике» под редакцией А. А. Гуссейнова и И. С. Кона прямо указывают на этимологическую близость концепта «дружба» понятиям родства, товарищества и любви, отражающим процесс дифференциации и взаимопроникновения инструментальных и эмоционально-экспрессивных функций взаимопонимания [16, с. 85]. Более того, по мнению Ю.С. Степанова, «оказываются отдаленно родственными слова Русь и *друг, друзья, дружина* в самом русском языке» [17, с. 155]. Таким образом, концепт «друг» не только органично объединяет в себе определенную ценностную иерархию и то, что понимается, чувствуется и переживается носителями языка. В нем находит выражение своеобразный стиль мышления, чувствования и интуитивного «прозрения» и общая установка на достижение в общении полноты взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений. Это позволяет говорить о специфичном способе личностного существования, характерном для «национально-культурного прототипа носителя определенного языка» [14: 120], и о своеобразии экзистенциальной картины русского языкового бытия в целом.

Анализируя концепт «дружба» в культуре различных народов, известный польский лингвист и культуролог А. Вежбицкая относит характерное для отечественной традиции понимание дружбы к этноцентричным, т. е. не обладающим универсальностью. Более того, ею было убедительно доказано, что «друзья» признаются значимой социопсихологической категорией не всеми культурами. «Таксономические категории отношений между людьми точно также культуроспецифичны и лингвоспецифичны, как таксономические категории эмоций или речевых актов, и концепт, закодированный английским словом «friends», не имеет в них привлекательного статуса», – писала исследователь в книге «Понимание культур посредством ключевых слов» [9, с. 307]. Многовариативность проявления дружеских взаимоотношений в различных лингвокультурных общностях отмечалась и английским философом, специалистом по социальной психологии Р. Харре. Отвечая на вопрос, какой личностный стиль предполагает дружба, исследователь писал: «В одних культурах это экспансивный, несдержанный стиль. В других – чрезвычайно сдержанное проявление чувств, холодность, а экспансивность здесь считалась бы знаком неискренности выражения дружеских чувств» [19, с. 71]. Анализируя отражение дружеских отношений в русской, польской и английской картинах мира, А. Вежбицкая также отметила, что русская базовая сетка для обозначения межличностного взаимодействия располагает пятью лексическими единицами (друг, подруга, товарищ, приятель, знакомый), польская – тремя (przyjaciel, kolega, znajomy), а английская – одним (friend). По мнению исследователя, данная особенность языковой картины мира отражает повышенный интерес носителей русского языка «к сфере отношений между людьми» [9, с. 106].

Сформулированный вывод нашел свое подтверждение в социопсихолингвистическом исследовании, направленном на изучение русского обыденного сознания. Согласно полученным результатам, концепт «общение» включает представление не только об обмене информацией («разговор»), но и о характере общности («друзья») и взаимопроникновении («беседовать по душам», «глубоко понимать друг друга») [13]. Приведенная характеристика может быть дополнена присутствующим в русской языковой картине мира положительным отношением к общению как средству «поддержания душевного контакта» несмотря на непрактичность этого занятия (А.А. Зализняк). Разделяя положение А. Вежбицкой о пристальном внимании русских к нюансам человеческих отношений, А. Д. Шмелев в работе «Русская языковая картина мира: Материалы к словарю» также отмечает присутствие в концепте «общение» противоположных установок. С одной стороны, русская языковая картина мира фиксирует высокую оценку задушевного интимно-дружеского общения, а с другой, – недопустимость нарушения определенных границ в общении (например, в ситуации, когда некто пытается «залезть в душу») [20, с. 165].

Задушевность, искренность, доверительность и интенсивность дружеских отношений, о которых пишут едва ли не все специалисты по русской культуре, могут восприниматься иностранцами как излишне эмоциональные и обременительные. Не удивительно, что и носители русского языка также сознают свою «инаковость». Так, например, писатель Б. Васильев пишет: «Русские едва ли не самый эмоциональный народ в мире: сначала поступаем по порыву, а потом смотрим, что наделали. Это нам свойственно. Но духовность наша тоже от повышенного уровня эмоциональности. У нас нет немецкой рассудительности, американской деловитости, нет “умения англичан держать дистанцию”, мы такие» [8, с. 5]. Согласно наблюдениям А. Битова: «русский в разговоре ориентирован на другого, что предписывает и речевой этикет, а немец на себя самого, на четкое и ясное формулирование своих мыслей и желаний в строго заданных этикетных рамках... для русских в целом более значим довербальный аспект: визуальная и психологическая оценка собеседника и ситуации, в которой будет проходить предлагаемая коммуникация» [7, с. 314].

Н.А. Бердяев, считавший себя наследником как русской, так и французской культурных традиций, писал об «изначальной русской экзистенциальности», которая особенно проявляется на фоне французов, которые предпочитают говорить «об экзистенциальной философии». В оценке философа, «русская душевная жизнь более выражена в своих крайних элементах, чем душевная жизнь западного человека, более закрытая и придавленная нормами цивилизации. <...> Русские

гораздо более социабельны (не социальные в нормирующем смысле), более склонны и более способны к общению, чем люди западной цивилизации. У русских нет условности в общении. У них есть потребность видеть не только друзей, но и хороших знакомых, делиться с ними мыслями и переживаниями, спорить. Русские очень склонны соединяться в кружки и группы, спорить в них о мировых вопросах. <...> У французов меня поражала их замкнутость, закупоренность в своем типе культуры, отсутствие интереса к чужим культурам и способности их понять. Уже по ту сторону Рейна для них начинается варварский мир, который, по их мнению, не является наследником греко-римской цивилизации. Французы верят в универсальность своей культуры, они совсем не признают множественности культурных типов <...> В русском мышлении нравственный момент преобладает над моментом чисто интеллектуальным. Западным же людям свойствен объективирующий интеллектуализм, который очень охраняет от вторжений в чужую жизнь. Главное же качество русского общения, что в нем легче начинать говорить о главном и существенном» [6, с. 236-237, 265-266].

Не имея возможности в рамках статьи раскрыть другие особенности русской ментальности, ограничимся анализом динамично развивающегося денотативного статуса личного местоимения «мы» в межличностном общении с установкой на взаимность. Прежде всего, отметим, что в нем выражена идея «первичного единства» (С.Л. Франк), подчеркивающая целостное единство говорящего с адресатом или с субъектом, о котором идет речь. (Ср. самобытное словосочетание *мы с тобой, с Вами, с ним* и т. п., не имеющие эквивалента в западноевропейских языках.) Действительно, в местоимении «мы» реализуется не только потребность в назывании себя и Другого. Открывающаяся в общении возможность взаимодополнительности коммуникантов преобразует диалогические отношения. В результате из отдельных, независимых субъектов они, не утрачивая своей индивидуальности, все более сознают себя единым <Мы>.

Проявление в общении стремления к взаимности, названного К.С. Станиславским «встречным током», преобразовывает этикетное общение. Это выражается в установке на эмоциональную открытость, искренность, истинность и значимость высказываний, то есть в «установке на понимающего» (М.М. Бахтин) и в диалогических отношениях, которые в этом случае могут быть квалифицированы как целостные. Отражаясь в Другом, собеседники воздействуют друг на друга, поскольку каждый становится значимым источником личностных смыслов и стоящих за ними этических ценностей и идеалов. Параллельно происходят два взаимосвязанных процесса: 1) формируется представление о едином <Мы>, в котором каждый «восполняет» себя до целостности, достижимой только в общении, и 2) становится доминирующей установка «на отвечающего» (М.М. Бахтин), которая учитывает возможную ответную реакцию адресата. При этом развиваются согласованные диалогические отношения со свойственным им общим «модусом существования». Возникающее в общении «единое Мы» является знаком качественно нового речевого поведения. Таким образом, денотативный статус личного местоимения 1 лица множественного числа «мы» аккумулирует в себе своего рода алгоритм развития концепции адресата и искомой с ним общности. Поэтому рассмотрение речевой субъектности позволяет охарактеризовать достигнутый уровень взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений.

Этикетная речевая субъектность (<Я – Вы/Ты>) выражается в установке на принятые в социуме нормы речевого поведения знакомых людей. Это предполагает взаимодействие в рамках вербально-семантической сферы общения (Ю.Н. Караулов) и этикетных диалогических отношений со свойственной им фатической модальностью: *Когда мы встретимся?* (Здесь и далее приводятся примеры из диалогии Л. Зорина «Варшавская мелодия» и «Перекресток (Варшавская мелодия-98)» [12], позволяющей проанализировать развитие диалогических отношений между Виктором и польской студенткой Гелей на протяжении нескольких десятилетий.

Совокупная речевая субъектность (<Я + Вы/Ты>) проявляется в установке «на понимающего», которая выражается в искренности, истинности и значимости высказываний. На этой ступени речевое взаимодействие охватывает также лингвокогнитивную сферу общения (Ю.Н. Караулов), а диалогические отношения становятся целостными и приобретают характерную

для них субъективную модальность: *Когда будут страшные морозы и мы совсем превратимся в ледышки, мы будем сюда приходить и делать вид, что ждем вызова; Мы нищие студенты.*

Единая речевая субъектность (<единое Мы>) отражает представления русской языковой личности о полноте взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений. Это проявляется в установке «на отвечающего», которая учитывает возможную ответную реакцию адресата, в развитии мотивационно-ценностной сферы общения (Ю.Н. Караулов) и в согласованных диалогических отношениях со свойственным им общим модусом существования: *Витек, все точно сговорились, чтобы мы помешались. Первая ночь Нового года, вино, в общежитии пусто – мы одни на всем белом свете.*

При деформации общего модуса существования происходит переакцентуация общения и оно вновь принимает форму этикетного речевого поведения знакомых людей со свойственным ему денотативным статусом местоимения «мы» (<Я – Вы/Ты>). При этом говорящий субъект, следуя принятым в социуме нормам и правилам общения, уже не выступает как «хозяин речи» (П. Сериио): *Не знаю, как выразить свою благодарность. – Езус-Мария, какой приятный, неожиданный гость!; Я еще день в Москве. Позвони, если будет время. – Хорошо.* Случайная встреча в аэропорту много лет спустя обнаружила удивительную сохранность сказанного и пережитого много лет назад. Не узнав в респектабельной иностранке-писательнице Гелю, Виктор рассказал ей историю своей любви к «лучшей женщине на свете». Примечательно, что, восстанавливая прошлые события и оценивая их спустя 50 лет после знакомства, Виктор постоянно прибегает к «единому Мы», подчеркивая пережитую в то время «полноту бытия»: *Мы были тогда одна семья; Мы с нею попросту помешались; Но я был уверен, что с этого места меня не сдвинешь, что мы не расстанемся. А вспоминая их разговор 30 лет спустя, Виктор с горечью признает: И разговор наш был... клочковатый; И я все думал: на что мы тратим наши последние минуты? О чем мы? И на прощанье она сказала: "Будь здрав". И тут что-то дрогнуло в ней и во мне. Оба поняли: больше мы не увидимся.* Пережитая в студенческие годы экзистенциальная насыщенность жизни уподобилась в сознании влюбленных потерянному раю, вернуться в который оказалось невозможным ни при встрече, ни в общении с другими. (Подробнее см. об этом в: [10].)

Возвращаясь к вопросу о сохранности в русской языковой системе общинных ценностных представлений и идеалов, отметим, что своеобразие местоимения «мы» уходит корнями в унаследованную коммуникативную стратегию, направленную на достижение в общении взаимопонимания, взаимодействия и взаимоотношений, на базе которых сформировалась культура коллективистского типа. В этом, как представляется, заключается экзистенциальный опыт славяно-русской языковой личности, опосредованный ценностными представлениями о смысле существования.

В наше время тенденция совместности просматривается и в более широком контексте: в идее всеобщей согласованности социального поведения, которая настойчиво заявила о себе с рождением глобальных компьютерных сетей. «Сегодня формируются новые коммуникация и личность: помимо задач приведения другого к себе и самовыражения все более настоятельны требования **приведения себя к другому** (встречи-события), а также **ориентация самостоятельного поведения человека на других**», – пишет В.М. Розин [15, с. 139]. В заключение хотелось бы выразить надежду, что экзистенциальный аспект межличностного общения станет «точкой роста» наук, занимающихся изучением национальной языковой личности и ее бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Работы 20-х годов. – Киев: «Next», 1979. – С. 7-180.
3. Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – Москва: Русские словари, 1997. – 731 с.

4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа романа. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 234 – 407.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1979. – 360 с.
6. Бердяев Н.А. Самопознание. – Москва: ДЭМ, 1990. – 336 с.
7. Битов А. Пушкинский дом. – Москва: Современник, 1989. – 399 с.
8. Васильев Б. Не жди, не бойся, не проси // Известия. 1994. 21 мая. – С. 5.
9. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
10. Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 304 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – Москва: Русский язык, 1978. – 699 с.
12. Зорин Л.Г. Варшавская мелодия // Зорин Л.Г. Пьесы. М.: Искусство, 1974. – С. 404-445; Зорин Л.Г. Перекресток (Варшавская мелодия-98) // Зорин Л.Г. Авансцена: мемуарный роман. – Москва: Слово, 1997.
13. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 544 с.
14. Маслова В.А. Лингвокультурология. – Москва: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.
15. Розин В.М. Мышление в контексте современности (От «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встрече» // Общественные науки и современность. 2001. № 5. – С. 132- 142.
16. Словарь по этике / Под ред. А. А. Гуссейнова и И. С. Кона. – Москва: Полиздат, 1989. – 447 с.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – Москва: Академический Проект, 2004. – 992 с.
18. Франк С.Л. Духовные основы общества. – Москва: Республика, 1992. – 511 с.
19. Харре Р. Дружба как достижение: этогенетический подход // Межличностное общение: Хрестоматия / Сост. и общая редакция Н.И. Казариновой, В.М. Погольши. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – С. 59-80.
20. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
21. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – Москва: Политиздат, 1991. – 527 с.